

В сущности 16 июля все уже было готово к отъезду короля. Людовик XVI должен был доехать до Меца, стать там во главе войска и идти войной на Париж. Экипажи уже были запряжены, и их готовы были подать, чтобы увезти короля и королеву под прикрытием войск, расположенных между Версалем и немецкой границей. Но герцог Брольи отказался везти короля в Мец, а принцы слишком торопились убежать сами по себе. Тогда Людовик XVI, он сам рассказывал об этом впоследствии, видя себя покинутым принцами и дворянством, отказался от плана вооруженного сопротивления, внушенного ему историей английского короля Карла I, и решил съездить в Париж, выразить свое подчинение воле народа.

Некоторые историки-роялисты стараются набросить сомнение на самое существование при дворе заговора против Национального собрания и города Парижа. Но заговор доказан множеством документов. Минье - историк, как известно, весьма умеренный и притом писавший вскоре после самих событий - не выражает на этот счет ни малейшего сомнения, и все позднейшие исследования подтвердили его взгляд. 13 июля король должен был повторить заявление, сделанное им 23 июня, после чего Собрание должно было быть распущено. Заявление короля уже было отпечатано в 40 тыс. экземпляров для рассылки по всей Франции. Командующий войсками, стянутыми на пространстве между Версалем и Парижем, получил неограниченные полномочия, чтобы устроить избиение парижского народа и принять строгие меры против Собрания, в случае если бы оно стало сопротивляться.

Сто миллионов кредитных билетов уже было отпечатано без разрешения Собрания для покрытия издержек двора. Все было готово; и когда 12-го пришло известие, что Париж восстал, на это восстание сперва взглянули при дворе как на бунт, способствующий замыслам придворных. Потом, немного позже, когда узнали, что движение растет, король собрался уезжать, предоставляя министрам разогнать Собрание при помощи наемных иностранных войск - немецких полков и швейцарцев. Но министры этому воспротивились, так как видели, что волна движения все растет и растет. Вот почему после 14 июля при получении известия о взятии Бастилии и убийстве де Лонэ двором овладела такая паника и почему полиньяки, принцы и многие другие аристократы, бывшие душой заговора и боясь доносов, поспешили бежать за границу.

Но народ не дремал. Он смутно понимал, чего ищут эти беглецы по ту сторону границы, и крестьяне начали задерживать их. В числе их были задержаны Фуллон и Бертье.

Мы уже говорили о нищете, свирепствовавшей в Париже и его окрестностях, и о спекуляторах хлебом, преступления которых Собрание не решалось расследовать. Среди этих спекуляторов, обогащавшихся народной нищетой, особенно указывали на Фуллона, нажившего себе громадное состояние как финансовыми операциями, так и в своей должности интенданта армии и флота. Вместе с тем известна была его ненависть к народу и революции. Брольи, когда готовился переворот на 16 июля, приглашал Фуллона в министры. Хитрый финансист, правда, отказался от этого опасного поста, но на советы он не скупился: по его мнению, следовало разом избавиться от всех тех, кто приобрел влияние в революционном лагере.

После взятия Бастилии, когда он узнал, как по улицам носили голову де Лонэ, Фуллон понял, что ему не остается ничего другого, как последовать примеру принцев и бежать; но так как сделать это было уже трудно вследствие бдительного надзора парижских «округов», то он воспользовался смертью одного из своих лакеев, чтобы распустить слух, что Фуллон умер и похоронен, а сам тем временем выехал из Парижа и скрылся у одного из своих приятелей в окрестностях Фонтенбло.

Там Фуллона открыли и задержали крестьяне, и тогда они отомстили ему за все свои долгие страдания, за всю свою нужду. Взвалив ему на плечи охапку сена - намек на его похвальбу, что он заставит парижан есть сено, озлобленная толпа потащила спекулятора в Париж. Там, в ратуше, Лафайет попытался спасти его. Но разъяренный народ не послушал революционного генерала и повесил Фуллона на фонаре.

Его зять Бертье - тоже участник в королевском заговоре и к тому же интендант войска Брольи - был задержан в Компьене и тоже приведен толпой в Париж, где его тоже собирались повесить на фонаре; но он стал сопротивляться в надежде спастись и был убит.

Несколько других заговорщиков, направившихся за границу, было задержано на севере и на северо-востоке Франции, и они возвращены были в столицу.

Легко себе представить, какой ужас охватил придворных при известии об этих актах народной расправы и неусыпной бдительности крестьян. Все высокомерие придворной партии, вся их решимость бороться против революции исчезли. Теперь они желали одного: чтобы их забыли. Реакционная партия поняла, что ее дела обстоят очень плохо.